

Методологические проблемы науки и техники

А. В. ПОСТНИКОВ

К ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ГЕОГРАФИИ (МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНОМУ ПОСОБИЮ)

От редакции

Во многих учебных заведениях страны созданы кафедры истории науки и техники и читаются соответствующие курсы лекций. История географии, о которой идет речь в этой статье, давно стала объектом самостоятельного научного исследования. Тем не менее в написанном виде историография этой науки отсутствует. В то же время педагогические нужды требуют ее написания: предстоящее введение нового кандидатского экзамена сделает необходимым появление учебника по истории географии, опирающегося на всю длинную историю ее преподавания. По мнению редакции, статья будет полезна аспирантам — историкам географии при подготовке к сдаче кандидатского экзамена по специальности 07.00.10 — «история науки и техники».

Крупнейшие географы прошлого и современности неизменно обращались к истории географии, считая ее изучение необходимым не только для выявления роли этой науки в общем прогрессе человеческого знания и в ряду других дисциплин, способствовавших формированию научной картины мира, но и для поисков в прошлом этой науки сюжетов и идей, способных стимулировать развитие современных исследований. Исключительно ярко и точно по этому поводу высказались Д. Л. Арманд, И. П. Герасимов и В. С. Преображенский, которые еще в 1974 г. подчеркивали: «Если мы хотим идти вперед не наугад, а с открытыми глазами, не просто копируя пути эволюции смежных наук, а критически их переоценивая, мы должны найти силы для изучения истории ради будущего географической науки и географической деятельности. Эта задача не менее важна, чем другие, ибо она направлена на выбор пути развития науки, то есть в конечном счете на решение всех самых актуальных прикладных задач»¹. В прошлом это осознавалось не менее, поэтому неудивительно, что первые глубокие обзоры и обобщения истории географического познания Земли принадлежат тем исследователям, которые по праву считаются основоположниками современной физической географии. Так, знаменитый немецкий географ Александр Гумбольдт во втором томе своего

¹ Арманд Д. Л., Герасимов И. П., Преображенский В. С. Элементы прогноза развития географических наук // Известия АН СССР. Серия географическая. 1974. № 4. С. 10; цит. по: Мукичанов Н. К. От Страбона до наших дней: Эволюция географических представлений и идей. М.: Мысль, 1985. С. 223.

классического труда «Космос» (1847 г.)² дал детальный обзор истории исследования земной поверхности с древнейших времен до эпохи Великих европейских географических открытий. Соотечественник и современник Гумбольдта, великий географ XIX столетия Карл Риттер читал в Берлинском университете курс лекций по истории земледования в древнем мире и средневековье. Лекции эти, уже после кончины Риттера, были частично опубликованы его учениками³. О. Пешелю (1865, 1877) принадлежит очерк истории земледования до Гумбольдта и Риттера, в котором также уделено некоторое внимание развитию научной мысли, преимущественно в Германии⁴. Французский географ Вивьен де Сен-Мартен создал фундаментальный труд по истории европейской географической науки, в котором сосредоточился в основном на развитии географических открытий и исследований (1873)⁵. Выдающийся российский географ Д. Н. Анучин в курсе истории мировой географии, который он впервые в России начал читать в 1885 г., пошел дальше своих западноевропейских предшественников в разработке проблем возникновения и развития географических идей и понятий⁶. История идей и методов географии занимает также значительное место в книге известного немецкого географа Альфреда Геттнера «География, ее история, сущность и методы» (впервые издана в 1927 г., в переводе на русский язык — в 1930 г.)⁷.

В XX в. история географии становится вполне самостоятельной дисциплиной, в развитии которой, наряду с появлением профессиональных историков науки, целиком посвятивших себя историко-географическим исследованиям, продолжают играть существенную роль ведущие географы современности. Так, обзор истории географического изучения России с древнейших времен до второй половины XIX в. выполнил Г. И. Танфильев в первом томе своего труда «География России» (Одесса, 1916). Крупнейшие советские и российские географы уделяли и уделяют значительное внимание истории географической науки и, особенно, тех ее разделов, которые входили в сферу их специфических профессиональных интересов. Так, А. А. Григорьев провел монографические исследования развития физико-географической мысли в России и теории советской физической географии (до 1934 г.)⁸. Л. С. Берг анализировал историю русских географических открытий и достижения советской географии⁹. А. Г. Исаченко создал фундаментальный труд по развитию науч-

² Гумбольдт А. А. Космос. В 5 ч. М., 1848–1863.

³ Риттер К. История земледования и открытий по этому предмету. СПб., 1864.

⁴ Peschel, O. Geschichte der Erdkunde bis auf A. von Humboldt und Carl Ritter. München, 1865; 2te Aufl., 1877.

⁵ Vivien de Saint Martin. Histoire de la géographie et des découvertes géographiques depuis les temps plus reculés jusqu'à nos jours. Paris, 1873.

⁶ Анучин Д. Н. Курс лекций по истории земледования / Под ред. В. А. Есакова и Н. С. Касимова. М., 1998 (1-е изд. — М., 1885).

⁷ Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.; М., 1930.

⁸ Григорьев А. А. Развитие физико-географической мысли в России (XIX- начало XX в.). М., 1961; Григорьев А. А. Развитие теоретических проблем советской физической географии (1917–1934). М., 1965.

⁹ Берг Л. С. История русских географических открытий. М., 1962; Берг Л. С. Достижения советской географии (1917–1947) // Избранные труды. Т. 1. М., 1956.

ных идей в мировой географии, основным лейтмотивом которого является история теоретических представлений в ландшафтоведении¹⁰. Другой ведущий ландшафтовед советского периода — Ф. Н. Мильков — исследовал историю физической географии в рамках высших учебных заведений¹¹.

Значительное внимание истории науки и, в частности, развитию географии уделял в своих трудах великий естествоиспытатель XX столетия В. И. Вернадский¹².

Итоги развития географии в XX в. рассматриваются в книгах В. С. Преображенского, Т. Д. Александровой и Л. В. Максимовой¹³. Глубокий анализ развития географической науки и ее роли в решении глобальных проблем современности проведен в трудах лидера российской географии В. М. Котлякова¹⁴. Различные аспекты истории и методологии географии и ее отдельных дисциплин нашли отражение в трудах К. К. Маркова, И. П. Герасимова, М. И. Будыко, А. Ф. Трешникова, А. И. Воейкова, Н. А. Солнцева, К. А. Салищева, А. М. Берлянта, Ю. М. Шокальского, В. В. Шулейкина, В. С. Лямина, Н. Ф. Реймерса и А. В. Ретеюма¹⁵.

Активно занимались историей своей науки отечественные исследователи в области социальной и экономической географии. Так, Н. Н. Баранский создал работы, посвященные научным принципам в географии и истории становления советской экономической географии. Большое значение как источник по социальной истории отечественной географии имеет изданная лишь совсем недавно (но давно известная и популярная в кругу географов-профессионалов) рукопись Баранского «Моя жизнь в экономической географии»¹⁶. Ю. Г. Саушкин опубликовал курс лекций по истории и методологии географической науки, который он регулярно читал в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, а также — книгу с изложением своих

¹⁰ Исаченко А. Г. Развитие географических идей. М., 1971.

¹¹ Мильков Ф. Н. Вузовская физическая география. Периоды ее развития. Воронеж, 1984.

¹² См., например: Вернадский В. И. Природные воды // Сочинения. Т. 4, кн. 2. М., 1960; Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление // Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1997. С. 303–538; Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.

¹³ Преображенский В. С., Александрова Т. Д. Материалы к истории географии XX века. М., 1994; Преображенский В. С., Александрова Т. Д., Максимова Л. В. География в меняющемся мире. Век XX. Побуждение к размышлению. М., 1997.

¹⁴ Котляков В. М. Наука. Общество. Окружающая среда. М., 1997; Котляков В. М. Избранные сочинения в шести книгах. География в меняющемся мире. М., 2001.

¹⁵ См., например: Марков К. К. Два очерка о географии. М., 1978; Герасимов И. П. Новые пути в геоморфологии и палеогеографии. М., 1968; Будыко М. И. Глобальная экология. М., 1997; Трешников А. Ф. История открытия и исследования Антарктиды. М., 1963; Воейков А. И. Избранные сочинения: В 4 т. М., 1948–1957; Солнцев Н. А. Учение о ландшафте. Избранные труды. М., 2001; Салищев К. А. История картографии и картографические источники. М., 1962; Берлянт А. М. Образ пространства: карта и информация. М., 1986; Шокальский Ю. М. Океанография. Л., 1959; Шулейкин В. В. Физика моря. М., 1968; Лямин В. С. География и общество. М., 1978; Реймерс Н. Ф. Природопользование. М., 1988; Ретеюм А. В. Земные миры. М., 1988.

¹⁶ Баранский Н. Н. Становление советской экономической географии: Избранные труды. М., 1980; Баранский Н. Н. Научные принципы географии. М., 1980; Баранский Н. Н. Моя жизнь в экономической географии. М., 2001.

размышлений о прошлом, настоящем и будущем географии¹⁷. В. П. Максаковский создал оригинальные труды по географической культуре и исторической географии мира¹⁸. Приведенный, далеко не полный, обзор свидетельствует о том, насколько большое значение в историографии отечественных работ по истории географии имеют труды ведущих ученых, активно занимающихся исследованиями в различных отраслях современной географической науки. Помимо того, что их историко-научные изыскания имеют несомненное самостоятельное значение, они во многом являются отправной точкой и побудительным стимулом для работ ученых, целиком посвятивших себя истории географии.

Наиболее интенсивные исследования по истории географии начались в СССР после Великой Отечественной войны, победоносное окончание которой вызвало в стране подъем патриотизма, всемерно поощрявшийся и поддерживавшийся сверху. Как известно, официальная политика в этом направлении принимала нередко уродливые формы борьбы с «безродным космополитизмом» и поисков начал всех научных открытий и достижений на российской земле. Под влиянием таких установок историко-научные исследования получили ярко выраженную национальную окраску. Хотя национально-патриотический социальный заказ не мог не сказаться отрицательно на объективности исследований, однако для ученых, занимавшихся историей отечественной географии, были созданы практически идеальные условия для доступа в архивы и поиска и введения в научный оборот совершенно неизвестных до того документальных материалов, особенно по истории отечественных географических открытий и исследований. Сразу же после войны был издан ряд трудов по истории российских экспедиций в северной части Тихого океана и открытия Америки со стороны Азии, в которых впервые опубликованы многие документальные материалы и географические карты XVIII – начала XIX вв. В ряду таких работ прежде всего следует отметить труды А. И. Андреева и А. В. Ефимова по источниковедению Сибири (в том числе — картографическому) и архивным фондам Российско-Американской компании и ее деятелей, а также труды по истории русских экспедиций в Тихом и Северном Ледовитом океанах в XVII – первой половине XVIII вв. и работы М. И. Белова по истории русского полярного мореплавания и географических открытий. Появляются научно-популярные труды по истории географических открытий И. П. Магидовича и В. И. Магидовича, а также романтические и поэтические книги писателя С. Н. Маркова о русских на Аляске.

А. И. Андреев, А. В. Ефимов, В. Ф. Гнучева создали плодотворную научную школу изучения истории отечественных географических исследований и картографирования Сибири, северной части Тихого океана и Северо-Западной Америки. Трудami этих замечательных российских историков-источниковедов и таких их учеников и последователей, как О. М. Медушевская, Л. А. Гольденберг, Б. П. Полевой, С. Г. Федорова, Р. В. Макарова, Р. Г. Ляпу-

¹⁷ Саушкин Ю. Г. История и методология географической науки: Курс лекций. М., 1976; Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем. М., 1980.

¹⁸ Максаковский В. П. Историческая география мира. М., 1997; Максаковский В. П. Географическая культура. М., 1998.

нова и Н. Н. Болховитинов, были впервые введены в научный оборот значительные массивы архивных текстовых и картографических документальных материалов по Русской Америке, созданы оригинальные монографические исследования по истории изучения и освоения русскими северной части Тихого океана и по этнографии коренных народов Алеутских островов и Аляски. Первыми в серии документальных публикаций были подготовленные В. Ф. Гнучевой издания материалов по истории академических экспедиций XVIII–XIX вв. (1940 г.), документов, освещавших деятельность Географического департамента Петербургской академии наук XVIII в. (1946 г.), а также составленные под руководством и при непосредственном участии А. И. Андреева и А. В. Ефимова публикации архивных источников по истории экспедиций Беринга, по российским исследованиям в Тихом океане и Северной Америке, по открытиям русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII–XIX вв. Замечательным итогом глубоких архивных изысканий явился созданный под руководством А. В. Ефимова факсимильный «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII веков» (1964 г.), в котором были впервые опубликованы копии многих рукописных карт русских промысловых и правительственных экспедиций XVIII в.

В тесной связи и взаимодействии с историками проводили свои исследования географы — Г. А. Агранат, О. А. Александровская, А. И. Алексеев, Л. С. Берг, М. С. Боднарский, Н. А. Гвоздецкий, В. И. Греков, В. А. Дивин, В. А. Есаков, И. М. Забелин, Д. М. Лебедев, Г. В. Наумов, В. М. Пасецкий, А. Ф. Плахотник, И. А. Федосеев, Н. Г. Фрадкин, их ученики и последователи. Наряду с созданием обобщающих трудов по истории отечественной географии и вклада русских географов в географические исследования и открытия, среди которых следует отметить три фундаментальные монографии Д. М. Лебедева по истории географии в России с XV до начала XIX в.¹⁹, а также его книгу по истории русских географических открытий и исследований, написанную в соавторстве с В. А. Есаковым²⁰, появился труд Н. А. Гвоздецкого, посвященный советским географическим исследованиям и открытиям²¹, очерки Н. Г. Фрадкина по истории физико-географических исследований СССР в течение первого десятилетия советской власти²², а также историко-биографические книги об отдельных отечественных мореплавателях и ученых, причем последний аспект нашел наиболее яркое развитие в творчестве А. И. Алексеева.

Наряду с несомненными успехами отечественных ученых в изучении истории российской науки, исследования в области мировой истории географии развивались относительно менее интенсивно. Помимо отмеченных выше ис-

¹⁹ Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950; Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1956; Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1957.

²⁰ Лебедев Д. М., В. А. Есаков. Русские географические открытия и исследования. М., 1971.

²¹ Гвоздецкий Н. А. Советские географические исследования и открытия. М., 1967.

²² Фрадкин Н. Г. Очерки по истории физико-географических исследований СССР (1917–1927 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1961.

торико-научных трудов ведущих советских географов и научно-популярного многотомника И. П. Магидовича и В. И. Магидовича по истории географических открытий²³, среди отечественных работ, посвященных зарубежной географии, следует отметить книгу О. А. Александровской о французской географической школе в XIX – начале XX вв.²⁴, антологию античной географии, составленную М. С. Боднарским²⁵, историю изучения гидросферы И. А. Федосеева²⁶, очерки истории представлений о взаимодействии природы и общества И. М. Забелина и И. В. Крутя²⁷, обзор истории основных исследований по физической океанологии А. Ф. Плахотника²⁸, очерки по истории античной и средневековой географии А. Б. Дитмара²⁹, историю открытия и исследования Антарктиды А. Ф. Трешникова³⁰, работы по истории взаимодействия человека и живой природы В. К. Рахилина³¹, труды по истории мировой картографии и вопросам использования старых карт К. А. Салищева, А. В. Постникова и Л. С. Чекина³² и некоторые другие исследования.

Рассмотрим современные представления о типах и методах исследований по истории географической науки, что позволит нам также ознакомиться с основной историографией зарубежных историко-научных работ такой направленности. Методология и то, что декларируется в современных зарубежных работах по истории географии как абсолютно новые подходы к изучению истории нашей науки с особым вниманием к ее социальным аспектам, будут рассмотрены нами на основании получившего широкое признание труда известного американского историка географии Дэвида Н. Ливингстоуна «Географическая традиция. Эпизоды в истории противоречивого вида деятельности», а также работ Генри Эйя, Винсента Бердуле, Джорджа У. Стокинга, Брайна Харли и некоторых других³³. Ученых, которые создают

²³ Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1957 (2-е изд. М., 1967); Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962; Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий: В 5 т. М., 1983–1986.

²⁴ Александровская О. А. Французская географическая школа в XIX – начале XX века. М., 1972.

²⁵ Античная география. Книга для чтения / Сост. М. С. Боднарский. М., 1953.

²⁶ Федосеев И. А. История изучения основных проблем гидросферы. М., 1975.

²⁷ Круть И. В., Забелин И. М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества (общенаучные и геолого-географические аспекты). М.: Наука, 1988.

²⁸ Плахотник А. Ф. Физическая океанология. Краткий обзор основных исследований. М., 1973.

²⁹ Дитмар А. Б. От Птолемея до Колумба. М.: Мысль, 1989.

³⁰ Трешников А. Ф. История открытия и исследования Антарктиды. М.: Географгиз, 1963.

³¹ Рахилин В. К. Общество и живая природа. Краткий очерк истории взаимодействия. М., 1989; Рахилин В. К. Животные в жизни людей. М., 1996.

³² Салищев К. А. Основы картоведения: Часть историческая и картографические материалы. М.: Геодезиздат, 1948; Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985; Чекин Л. С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв.: Тексты, переводы, комментарии. М.: Наука, 1999.

³³ Livingstone, D. N. Some Methodological Problems in the History of Geographical Thought // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1979. Vol. 70. P. 226–231; Livingstone, D. N. The Geographical Tradition. Episodes in the History of a Contested Enterprise. Cambridge,

труды по конкретной истории географии как науки, Дэвид Ливингстоун называет «рассказчиками историй о географии». По этому поводу он пишет следующее:

Рассказы всегда рассказываются людьми, о людях и для людей. Рассказ о географии не является исключением. Стандартные обзорные учебники писались географами, о других географах и, опять же, — для географов. Поэтому они являются камеральными обзорами дисциплинарного развития географического сообщества. В большинстве случаев внутренней мотивацией является желание представить для студентов исторические спектакли, через призму которых они смогут лучше понять современное состояние географических дел. Другими словами, прошлое рассматривается лишь под углом зрения современности. В результате история пишется в ретроспективе — от современности к прошлому, т. е. используется прием, который историки называют «презентистской» (от слова *present* — современность; это называется также телеологическим подходом. — А. П.), т. е. — «осовремененной» историей³⁴.

Д. Ливингстоун признает, что элементов телеологического подхода полностью избежать невозможно, потому что историки географии, так же как их читатели, живут в современном мире. Исследуя документы прошлого, они основываются на вполне очевидных для современной науки знаниях и, соответственно, рассматривают эти документы как материалы для поиска истоков этих знаний. Таким образом, сама исследовательская задача — поиски истоков и путей развития современного знания — становится неотъемлемой частью процесса исторической реконструкции. Историки неизбежно вовлекаются в процесс отбора из имеющегося корпуса источников тех из них, которые они считают существенными для исследуемой ими проблемы истории дисциплинарного развития той или иной отрасли географии. При всех условиях для исследователей недоступны все факты, но и среди тех материалов, которые удастся выявить, историки географии выбирают наиболее, по их мнению, отвечающие поставленной исследовательской за-

Massachusetts: Blackwell Publishers, 1996 [First published 1992]; *Berdoulay, V.* French Possibilism as a Form of Neo-Kantian Philosophy // *Proceedings of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 8. P. 176–179; *Berdoulay, V.* The Vidal-Durkheim Debate // *Humanistic Geography: Prospects and Problems* / Ed. by D. Ley and M. Samuels. London: Croom Helm, 1978. P. 77–99; *Berdoulay, V.* The Contextual Approach // *Geography, Ideology and Social Concern* / Ed. by D. R. Stoddart. Oxford: Blackwell, 1981. P. 8–16; *Berdoulay, V.* La Formation de l'École Française de Géographie (1870–1914). Paris: Bibliothèque Nationale, 1981; *Harley, J. B.* Meaning and Ambiguity in Tudor Cartography 1600–1650 // *English Map-Making* / Ed. by S. Tyacke. London: The British Library, 1983. P. 22–45; *Harley, J. B.* Maps, Knowledge and Power // *The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments* / Ed. by D. Cosgrove and Stephen Daniels. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 277–312; *Aay, Henry.* Conceptual Change and the Growth of Geographic Knowledge: A Critical Appraisal of the Historiography of Geography. Ph. D. dissertation, Clark University, 1978; *Aay, H.* Textbook Chronicles: Disciplinary History and the Growth of Geographical Knowledge // *The Origins of Academic Geography in the United States* / Ed. by B. W. Blouet. Hamden, Conn.: Archon Books, 1981. P. 291–301.

³⁴ *Livingstone.* The Geographical Tradition... P. 4.

даче. По образному выражению Ливингстоуна, «историю невозможно препарировать на патолого-анатомическом столе». И поэтому «факты» не просто «говорят за себя», а историк режиссирует их представление на современной научной сцене.

Таким образом, отбор неизбежен, но манипуляция фактами — совсем другое дело. Наиболее отрицательные черты «необузданного презентизма» проявляются тогда, когда апологеты определенного научного направления пытаются опереться на поддержку героев прошлого, умалчивая о тех сюжетах истории, которые не пользуются современным признанием, и когда они приносят в прошлое полностью сфабрикованный порядок, который якобы предвосхищал географические представления и теории, господствующие в современной науке. Как справедливо подчеркивал историк Джордж Стокинг, «Грехи истории, написанной “ради современности”, неизбежно проявляются в анахронизмах, искажениях, неправомерных аналогиях, пренебрежении контекстом, предельном упрощении процесса»³⁵.

В своем стремлении достигнуть концептуальной стройности и непрерывности повествования историки географии часто использовали свои собственные определения того, что составляет географию, в качестве «увеличительно-го стекла» для изучения и интерпретации прошлого. В этом случае дисциплинарные различия становились критериями для выделения «героев» и «злодеев», для «судейства» современных методологических дискуссий и для выбора действующих лиц драмы. Н. К. Мукитанов по этому поводу справедливо замечает следующее: «Каждый исследователь невольно подходит к наследию других ученых с собственных позиций, объявляя идеи, соответствующие его личным взглядам, правильными, а не соответствующие — заблуждением. Так, А. Г. Исаченко критикует Фердинанда Рихтгофена (1833–1905 гг.) за его идею создания географии человека, а Ю. Г. Саушкин именно в этом видит одну из его заслуг»³⁶.

В качестве еще одного примера подобного подхода Дэвид Ливингстоун рассматривает книгу Роберта Дикинсона «Создатели современной географии»³⁷, лейтмотивом которой является «регион». В этом труде при анализе творчества Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера — ученых, которых обычно называют основателями современной географии, — Р. Дикинсон утверждает, что их роль «строга ограничена их вкладом в региональную концепцию», которую, по его словам, они оба считали ядром географии. Неудивительно также, что великие географы прошлого «призываются в качестве “свидетелей” для дачи показаний» в поддержку Дикинсона в методологических баталиях его дней. «История предмета показывает, — утверждает он, — что сущностным базисом географической работы является изучение пространственного распределения явлений на земной поверхности, а не исключительных ассоциаций человек — окружающая среда в традиционном понима-

³⁵ Stocking, Jr., G. W. On the Limits of «Presentism» and «Historicism» in the Historiography of the Behavioral Sciences // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1965. Vol. 1. P. 215.

³⁶ Мукитанов. От Страбона до наших дней... С. 185.

³⁷ Dickinson, R. E. *The makers of Modern Geography*. London: Routledge and Kegan Paul, 1969.

нии учения о взаимоотношении природы и общества («энвайронменталистской, или экологической, концепции». — А. П.)».

География в своей основе является региональной или хронологической наукой о поверхности Земли. Эти выводы, по мнению Дэвида Ливингстоуна, являются ярким примером использования истории науки для обоснования собственных установок историка. В 1976 г. Дикинсон для большей убедительности развил свои «историко-научные» доказательства в еще более целенаправленной книге «Региональная концепция». Здесь его аргументы кристально ясны: «Истинный географ — это регионалист, категорическое утверждение, которое, без сомнения, поднимет бурю протестов, но это главный урок, почерпнутый из исторического анализа... Эти выводы получены из идей, процедур и достижений создателей современной географии как в Западной Европе, так и в Америке»³⁸. Примеры подобной апелляции к авторитетам прошлого для подтверждения научной обоснованности современных воззрений достаточно многочисленны в зарубежной историографии истории географии. Так, во «Всех возможных мирах» Престона Джеймса³⁹, по словам Генри Эйя, «концепция “занятого пространства” выстраивает, окутывает и, по всем внешним признакам, объединяет прошлое географии». И действительно, Джеймс утверждает, что «занятое пространство на поверхности земли предоставило объект изучения, с которым... связаны все географические вопросы»⁴⁰. Р. Ливингстоун подчеркивает, что подобные концептуальные маневры можно выявить во многих обобщающих сочинениях по истории географии, приводя в качестве примеров таких трудов книги Уорнтца и Вулфа «Прорывы в географии», Роберта Дикинсона и О. Хоурта «Создание географии» и коллективный труд Эрика Фишера, Роберта Кэмпбелла и Элдона Миллера «Вопрос [географического] места»⁴¹.

В качестве одного из наиболее современных примеров «презентизма» Дэвид Ливингстоун рассматривает опубликованную в 1981 г. обзорную работу Маргариты Боуэн по развитию географической учености в период от Бэкона до Гумбольдта. Несмотря на бесспорную научность ее подхода к проблеме, исследовательница, тем не менее, не избежала искушения локализовать корни своего собственного экологического видения географии в возрождении духа гумбольдтовской науки начала XIX в. Для М. Боуэн очень близко холистическое видение природы Александра Гумбольдта с его романтическим и явно антипозитивистским духом. Неудивительно поэтому, что она завершает свое исследование утверждением, что «задачей географии, как и науки в целом, является наиболее эффективное использование былых традиций в решении

³⁸ Например: *Dickinson, The makers of Modern Geography...* P. 22, 277–278; *Dickinson, R. E. Regional Concept: The Anglo-American Leaders*. London: Routledge and Kegan Paul, 1976. P. 382–383.

³⁹ *James, P. E. All Possible Worlds. A History of Geographical Ideas*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1972; Джеймс П.: Мартин Д. К. Все возможные миры: история географических идей. М., 1988.

⁴⁰ *Aay. Textbook Chronicles...* P. 298; *James. All Possible Worlds...* P. 457.

⁴¹ *Warntz, W.; Wolff, P. Breakthroughs in Geography*. New York: New American Library, 1971; *Dickinson, R. E.; Howarth, O. J. R. The Making of Geography*. Oxford: Clarendon Press, 1933; *Fischer, E.; Campbell, R. D.; Miller, E. S. A Question of Place*. Arlington, Va.: al R.W. Beaty, 1967.

проблем современности»⁴². Именно этот подход Маргариты Боуэн подвергся жесткой критике со стороны историка науки Роя Портера, который в своей рецензии на ее книгу писал: «Ее исторические исследования целиком подчинены служению ее... целям... Географы прошлого рекрутированы в современные философские лагеря, и анализ усеян “предтечами” и “отзвуками”, а рассматриваемая география “прогрессирует” или “деградирует” в зависимости от того, как это диктуется философской системой»⁴³.

Подводя итог рассмотрению отдельных примеров «презентистской» истории географии, Дэвид Ливингстоун отмечает ряд приемов, которые используют исследователи для удержания прошлого в связке с современностью. В частности, одним из общих приемов является отмеченная Роем Портером тенденция поиска предшественников. Для эффективного осуществления этой задачи исторические источники буквально просеиваются в «охоте» за тем, что, в зависимости от вкуса и обстоятельств, именуется «предчувствием», «предсказанием», «предвосхищением» того, что в настоящее время считается научной истиной. В лучшем случае эта процедура искажает (принижает) важность достижений географов прошлого; в худшем — она становится способом приписывания собственных приоритетов и вкусов современного географа наиболее харизматическим именам прошлого, под прикрытием «невинного» исторического объяснения. История, таким образом, становится «пачкой трюков», которые мы разыгрываем над давно скончавшимися географами, не имеющими возможности что-либо нам возразить⁴⁴. Конечно, это предполагает также постулирование некой «идеальной» версии доктрины, в развитии которой, по мнению современного географа, активно участвовал в прошлом тот или иной автор. «Регион», «окружающая среда», «культура», «ландшафт» и «общество» сразу приходят на ум как некоторые из «кандидатов» в великие теоретические абстракции, которые прослеживаются из одной исторической эпохи в другую. Очевидно, это дезориентирует в оценке трудов географов прошлого: можно подумать, будто они сознательно концентрировали свои усилия вокруг еще не развитой традиции. С другой стороны, такие маневры побуждают историка отфильтровывать противоречия, несоответствия, споры или чистую путаницу, чтобы рассказать «хорошую историю». Так, например, Джордж Татэм замалчивает истинные различия между ведущими немецкими географами XIX в. Риттером и Гумбольдтом в надежде представить географию в качестве унифицированной, четко определяемой интеллектуальной традиции. Он утверждает, что труды этих «отцов-основателей» были «поистине взаимодополняющими, что они совместно создали почти полную и современную программу географии»⁴⁵. Таким образом, нет и намек на то, что, например

⁴² Bowen, M. *Empiricism and Geographic Thought. From Francis Bacon to Alexander von Humboldt*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 275.

⁴³ Porter, R. Review of *Empiricism and Geographical Thought*, by Margarita Bowen // *British Journal for the History of Science*. 1983. Vol. 15. P. 301–302.

⁴⁴ Skinner, Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas* // *History and Theory*. Vol. 8. 1969. P. 3–53.

⁴⁵ Tatham, G. *Geography in the Nineteenth Century* // *Geography in the Twentieth Century* / Ed. by G. Taylor. New York and London: Methuen, 1951. P. 58.

для Риттера, географические реалии были выражением Высшего Промысла настолько, что вся его географическая программа осознавалась как декларация предопределяющей воли Всеблагого Создателя. В противоположность этому Гумбольдт создавал свою географию на более светских основаниях германского идеализма того времени. Учитывая сказанное, неудивительно, что Кроун прямо признает принадлежность этих двух ученых к различным мирам⁴⁶.

Историк, дав собственное определение географии, испытывает соблазн, с одной стороны, исказить историю, приспособив ее к своему определению, а с другой — осуждать ее или игнорировать наиболее неприятные ее эпизоды. Например, В. А. Анучин без колебаний использовал свою собственную материалистическую концепцию развития общества для бичевания Гумбольдта. Так как немецкий ученый «не смог достичь правильного понимания географических явлений социального характера», Анучин настаивает, что гумбольдтовский «материализм был замутнен несоответствиями, как только его пытались использовать для объяснения качественных отличий человеческого общества от природы»⁴⁷. В то же время эскизный портрет американского климатолога рубежа XIX–XX столетий Роберта ДеКурси Уорда, созданный в «Региональной концепции» Дикинсона, не фиксирует вовсе увлечения Уорда расовыми различиями и его важной роли в делах Бостонской Лиги ограничения эмиграции — занятий, которые были движущей силой большей части его работы, включая его антропоклиматологию⁴⁸.

Подводя итоги, можно сказать, что основной идеей, подчеркивающей презентистскую «канализацию» истории по предпочтительным потокам мысли, является утверждение нормативности традиции и того, что история дисциплины раскрывает ее сущностную, неизменяемую природу. Таким образом, когда Хартшорн утверждает, что «если мы придерживаемся пути или возвращаемся на должный путь, ... нам следует оглянуться для того, чтобы увидеть, в каком направлении пролегал этот путь», он, скорее, делает методологическое заявление о характере географии, чем проводит историческое исследование. Иначе чем иным можно было бы объяснить включение в его известный труд «Природа географии» целой главы под названием «Уклонения от курса исторического развития»⁴⁹? История географии в пересказе Хартшорна становится всего лишь служанкой ее философии, а точнее — географической философией Хартшорна.

Классический труд Хартшорна, помимо его «презентизма», обладает также связанной с указанной чертой особенностью, характерной для многих сочинений по истории географии, а именно — интернализмом. Под интернализмом в приложении к географии понимается такой подход к ее изложению, когда уделяется мало внимания широкому историческому контексту, в кото-

⁴⁶ Crone, G. R. *Modern Geographers. An Outline of Progress Since AD 1800*. London: Royal Geographical Society, revised edn, 1970. P. 19.

⁴⁷ Анучин В. А. *Теоретические основы географии*. М., 1972; *Anuchin, V. A. Theoretical problems of Geography*. Columbus: Ohio State University Press, 1977. P. 90–91.

⁴⁸ Dickinson. *Regional Concept...* P. 277–279.

⁴⁹ Hartshorne, R. *The Nature of Geography. A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past*. Lancaster, Pa.: Association of American Geographers, 1939. P. 31, 102–129.

ром формулировались, распространялись, воспринимались и внедрялись рассматриваемые географические теории и построения. Если общий социально-исторический фон и присутствует, то чаще всего лишь для того, чтобы придать биографический колорит портретам географических «суперзвезд». Дэвид Стоддарт по этому поводу замечает следующее: «Хартшорн и впоследствии многие другие рассматривали развитие внутри географии от Канта через Гумбольдта и Риттера к Рихтгофену и Геттнеру... Поэтому неудивительно, что имена Дарвина, Маркса и Фрейда отсутствуют в трудах Хартшорна и им подобных; что эти работы уделяют мало или не уделяют вовсе внимания философским и эпистемологическим проблемам и что таким образом история рассматривается вне связи с социальными, экономическими и политическими условиями»⁵⁰.

Историки-интерналисты неизменно представляют свои материалы посредством нескольких, вполне предсказуемых приемов. Рассматривая их, Дэвид Ливингстоун прежде всего выделяет то, что он образно называет подходом «расписания поездов». Основной процедурой при этом является составление в хронологическом порядке перечня великих имен, ключевых трудов и важнейших дат. Хорошо иллюстрируют такой подход книга Т. У. Фримана «История современной британской географии» и другие труды этого известного историка английской географии⁵¹. Путь британской географии прослеживается как череда сменяющих друг друга героев, учреждений, дат и публикаций, которые являются «станциями» на этом пути.

В качестве другого приема Ливингстоун выделяет «торговый каталог» — метод, при котором создается сборник портретов географических авторитетов прошлого, соединенных выдержками из их сочинений, подобранными без всякой привязки к историческому контексту. «Региональная концепция» Дикинсона может служить примером труда, созданного с использованием этого приема.

Третий четко выделяемый подход Ливингстоун называет «музейным путеводителем», в котором представляются основные ветви (дисциплины) предмета, и каждая из них иллюстрируется ее собственным «историческим экспонатом». По мере того как читателя «вводят» в различные географические дисциплины — социальную географию, политическую географию, физическую географию и т. д., ему предлагают для обозрения «экспонаты» экспозиции, а именно — тех пионеров, которые впервые открыли неизвестную ранее концептуальную территорию. В качестве примера широкого использования этого приема можно привести изданный под редакцией Е. Брауна сборник статей «География вчера и завтра»⁵².

⁵⁰ Stoddart, D. R. Ideas and Interpretation in the History of Geography // Geography, Ideology and Social Concern... P. 2.

⁵¹ Freeman, T. W. A History of Modern British Geography. New York–London: Longman, 1980; Freeman, T. W. The British School of Geography // Organon. 1980. Vol. 14. P. 205–216; Freeman, T. W. The Royal Geographical Society and the Development of Geography // Geography Yesterday and Tomorrow / Ed. by E. H. Brown. Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 1–99; Freeman, T. W. A Hundred Years of Geography. London: Methuen, 1965.

⁵² Geography Yesterday and Tomorrow...

Несмотря на труды, затраченные на создание таких интерналистских обзоров, и их практическое, справочное значение, их внутренние недостатки достаточно очевидны. Во-первых, они «отсекают» географию от более широкого контекста интеллектуальных течений и динамики жизни общества. Без определенного понимания этих, более широких, движений мысли и действий трудно по-настоящему понять истинный смысл, заложенный автором в определенный географический текст, а также, что не менее важно, — как именно это содержание должно было быть воспринято современниками автора. Если не учитывать этого контекста, будет непонятно, например, почему географы в XIX – начале XX вв. были настолько увлечены расовой проблемой. Для того чтобы осознать их «расовые географии», требуется некоторое знание биологических теорий, расстановки имперских сил и расовой политики того времени. С этим же были тесно связаны проблемы акклиматизации. Вопрос, могут ли человеческие существа или другие животные приспособиться к новым климатическим условиям, обычно задавался в связи с более специфическим вопросом — могут ли представители белой расы селиться в тропиках. Здесь снова первостепенную важность приобретают связи между «научным» вопросом и социальной обстановкой, в которой он решался. Проблемы такого рода не могут быть поняты лишь в рамках внутренней истории географии.

Другим недостатком интернализма является то, что он имеет тенденцию отвлекать внимание от творчества «второстепенных ученых». Это существенный минус, так как изучение работ некоторых менее известных исследователей может дать «ключ к мнениям более широкого слоя населения, а не только передовых мыслителей той же эпохи»⁵³. То, что значение таких героев представляется небольшим внутри узких рамок дисциплинарного прошлого географии, не означает, что анализ их деятельности не может пролить свет на историю географии как социального феномена.

Осознавая указанные недостатки интернализма, все большее число географов обращается к исследованию своего предмета в широком социально-историческом контексте. Например, Стодарт призывает к созданию «истории, которая будет делать акцент на развитие проблем и теорий в социальном и интеллектуальном контексте их разработчиков, вместо того чтобы каталогизировать людей, организации и публикации», в то время как Винсент Бердуле, сетуя на то, что «мало внимания уделяется историческому контексту или интеллектуальному климату», попытался создать свой собственный «контекстуальный подход к истории географии». Глик также замечает, что достойная географическая историография «должна осуществлять двоякие функции» — интерналистской (когнитивной) истории и экстерналистской (социальной) истории, но вынужден признать, что до настоящего времени лишь немногие авторы выполняли исследования, отвечающие этим строгим критериям. В тоже время Эй печалится, что «узы, соединяющие содержание географической учености с социоэкономическим, технологическим и культурным контекстом, не исследуются систематически в реконструкции и, что более важ-

⁵³ Wiener, P. P. Some Problems and Methods in the History of Ideas // Journal of the History of Ideas. 1961. Vol. 22. P. 540.

но, — в объяснении прошлого географии»⁵⁴. Всех этих критиков объединяет их знакомство с новым пониманием исторического процесса, выражаемым в произведениях философов, историков и социологов, которые пересматривают науку, историю и общество.

С XVII в. наука обычно рассматривалась как знание, почерпнутое из эмпирических наблюдений природных явлений. Считалось, что всеобщие законы природы могут быть постепенно установлены путем беспристрастного сбора многочисленных дискретных данных, детальнейшего изучения их, формулирования гипотез и экспериментальной проверки их соответствия реальным природным явлениям. Однако философские трудности, связанные с воплощением в жизнь этой идеальной схемы, в 1930-х гг. побудили группу европейских философов к поискам более глубоких концептуальных подходов, способных придать новый стимул развитию этого эмпирического видения, что в свою очередь породило движение, известное под названием логического позитивизма. Его принципом стала установка, что лишь то утверждение может считаться имеющим смысл, которое может быть подтверждено научными методами. Утверждение типа «эти горные породы содержат кварц» имело смысл, так как оно могло быть подтверждено научно, без обращения к теоретическим допущениям. В противоположность этому, утверждения метафизиков и теологов были быстро отвергнуты как бессмысленные. Таков был новый набор предложений в попытке получить Знание, не запятнанное личными верованиями, социальными позициями или политическими пристрастиями. Однако вскоре логический позитивизм распался в связи с осознанием того, что сами по себе наблюдения не могли существовать вне теории. Даже простое утверждение того, что определенная горная порода содержит кварц, предполагает наличие теории о том, что представляет собой «горная порода», что такое «кварц» и что считать наличием кварца в горной породе. Постановка научного эксперимента еще глубже иллюстрирует это положение. Ясно, что вся процедура предполагает различие между имеющим отношение и не имеющим отношения к решаемой проблеме, т.е. основанную на теории демаркацию с момента постановки задачи. Если вспомнить, что наука неизменно интересовалась общими заключениями, т.е. выводом утверждений типа «планеты двигаются по орбитам вокруг их солнца», то ситуация становится еще сложнее. Как показал Карл Поппер, утверждения такого рода невозможно проверить. Но, признавая невозможность проверки даже простого утверждения вроде «все лебеди белые», Поппер пришел к выводу о том, что его можно опровергнуть. Для этого достаточно обнаружить единственного черного лебедя. Другими словами, Поппер предположил, что наука заключается не в проверке, а в фальсификации. «А поэтому наука — это искусство быть точно неправым!»⁵⁵

Кажущаяся элегантность принципа Поппера, однако, лишь маскирует тот факт, что его простота более очевидна, нежели реальна. Трудность обнару-

⁵⁴ См.: *Stoddart. Ideas and Interpretation in the History of Geography...* P. 3; *Berdoulay. The Contextual Approach...* P. 9; *Glick, T. F. History and Philosophy of Geography // Progress in Human Geography. 1984. Vol. 8. P. 280; Aay. Textbook Chronicles...* P. 297.

⁵⁵ *Livingstone. The Geographical Tradition...* P. 12–13.

жения случаев абсолютного доказательства ошибочности теорий, выше уровня тривиальных утверждений, озаботила некоторых из его критиков, так как наука значительно чаще оперирует с представлениями о возможности, нежели с абсолютной определенностью. Более того, внезапно стало очевидным, что утверждать: «теория ошибочна» — не одно и то же, что говорить, какая теория ближе к истине. И все-таки Поппер начал научное обсуждение трудностей установления хорошего критерия для утверждения знания о мире. Возможно ли, в самом деле, что привычное почтение к научному методу было неоправданным, что научное знание открывало столь же много о самих ученых, сколь об изучаемом ими мире ⁵⁶?

Значительным явлением в развитии теории и истории науки была публикация книги Томаса Куна «Структура научных революций» ⁵⁷. В представлении Куна о «парадигмах» историки, философы и социологи науки нашли новую основу для своих теоретических построений. Под «парадигмой» Кун понимал некую научную традицию, для выделения которой он опирался на определенные исторические примеры. По его представлениям, зрелая наука функционирует в определенных социальных и концептуальных рамках, которые устанавливают стандарты соответствующих исследований, формулируют задачи, координируют работу исследователей и творческих коллективов, обеспечивают воспроизводство традиции в предопределенном парадигмой направлении. Когда принятая парадигма заменяется другой, предлагающей качественно новую исследовательскую программу, происходит научная революция. Классическим примером такой научной революции представляется переход от ньютоновской механики к релятивистской физике Эйнштейна. Изменение парадигмы — явление внезапное и достаточно трудно объяснимое. Новая модель развития может объединить и рационально объяснить больший объем накопленной информации; она может быть более эстетически привлекательной, психологически приемлемой и теоретически плодотворной. Однако — и это существенно — отсутствует какой бы то ни было независимый рациональный критерий для выбора между старой и новой парадигмами: ведь то, что расценивается как рациональное основание для выбора, определяется самой парадигмой. На самом деле в новой парадигме проблемы даже не могут быть сформулированы на языке старой. Каждая парадигма предполагает свой набор критериев для отбора заслуживающих внимания проблем и оценки степени их разрешенности. Результаты научного исследования, таким образом, зависят от научного сообщества, внутри которого проводились исследования, а не являются непосредственными описаниями истинного мироустройства.

Сформировавшийся уже после Куна «союз» между социологией и историей науки еще более усилил представления об относительности научного зна-

⁵⁶ Подробнее об этих дискуссиях см.: *Chalmers, A. F. What is This Thing Called Science?* Milton Keynes: Open University Press, 2nd edn., 1982; *Popper, K. R. The Logic of Scientific Discovery*. London: Hutchinson, 1968.

⁵⁷ *Kuhn, T. S. The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962, enlarged edn. 1970. О научных революциях см. также: *Cohen, B. I. Revolution in Science*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985.

ния. Для историков географии имели определенное значение разработки «эдинбургской школы», так называемая «сильная программа» которой существенно повлияла на труды по истории науки в целом⁵⁸. Эта программа, развиваясь вокруг исследований Дэвида Блура, Барри Барнеса, Дональда Макензи и Стивена Шепина, сформулировала вполне четкую концепцию научного знания как релятивистского культурного продукта. Другими словами, наука есть всего лишь выражение общественных интересов, так как социальные отношения оказывают влияние на научные занятия любого уровня. Более того, как подчеркивает Шепин, «современные научные представления об окружающем мире сформировались в ходе споров о разделе сфер влияния с традиционными носителями власти и интеллектуального авторитета, такими, как религия»⁵⁹. Таким образом, здесь претензии на научное знание о мире рассматриваются не столько как описание естественных или культурных явлений, а скорее как проявление непрерывного социального спора о том, кто имеет право на интеллектуальное главенство в нашем обществе. Здесь невольно приходит на ум использование научного аппарата, ноу-хау и фразеологии для оправдания определенных политических или социальных интересов, как в случаях с расизмом, геополитикой или социобиологией. Во всем этом специфические групповые интересы оправдываются на «языке науки»⁶⁰.

Суммируя крайне релятивистские воззрения эдинбургской группы социологов знания, можно сказать, что, по их представлениям, не существует каких-либо независимых способов разделения истинной и неистинной науки, так как вся наука социально обусловлена. Принятие или отвержение теорий даже в таких «чистых» науках, как, например, физика, по их мнению, в не меньшей мере, чем изучаемыми природными явлениями, обусловлено отношениями между исследователями, предопределяющей ролью господствующей теории или теми, кто контролирует возможности публикации. Таким образом, наука полностью зависима от культуры или сообщества, в которых она практикуется. Почему? Потому что критерии для оценки различных теорий «различны для различных групп в разные периоды»⁶¹.

Вполне естественно, что эти радикальные взгляды не могли получить всеобщего признания, хотя бы потому, что практические успехи науки во многих сферах деятельности являются весьма яркими свидетельствами справедливости ее теорий. Однако это не всегда было так. Например, представления об астрономических явлениях, использовавшиеся для навигации, вполне успешно практиковались людьми, уверенными в том, что плоская Земля неподвижна

⁵⁸ Важнейшие работы эдинбургской группы включают: *Bloor, D. Knowledge and Social Imagery*. London: Routledge and Kegan Paul, 1976; *Barnes, B. Interests and the Growth of Knowledge*. London: Routledge and Kegan Paul, 1977; *Natural Order: Historical Studies of Scientific Culture* / Ed. by B. Barnes and S. Shapin. Beverly Hills; London: Sage, 1979.

⁵⁹ *Shapin, S. History of Science and its Sociological Reconstructions* // *History of Science*. 1982. Vol. 20. P. 172.

⁶⁰ Подробнее см.: *Rose, S.; Kamin, L. J.; Lewontin, R. C. Not in our Genes: Biology, Ideology and Human Nature*. Harmondsworth: Penguin, 1984.

⁶¹ *Hesse, M. Revolutions and Reconstructions in the Philosophy of Science*. Sussex: Harvester Press, 1980. Chapter 2: The Strong Thesis of Sociology of Science. P. 33.

и находится в центре мироздания. Таким образом, инструментальный успех теории не гарантирует того, что она правильно отражает окружающий мир.

Философы науки в борьбе с радикальным релятивизмом использовали четыре ключевых способа доказательства неадекватности этого направления: научная рациональность, плодотворность моделирования, эксперимент и стойкость (долговечность) теории.

Основой основ куновской модели научной революции было отрицание каких бы то ни было рациональных оснований для перехода от одной парадигмы к другой. Дадлей Шапире недавно выступил против этого положения Куна, утверждая, что отсутствие преемственности между сменяющимися друг друга парадигмами, или исследовательскими программами (по терминологии Лакатоса), слишком преувеличивалось. Допуская, что то, что признается официальной теорией, проблемой или решением, может со временем радикально измениться, Шапире уверен тем не менее, что «часто существует цепь развития, соединяющая два различных набора критериев, цепь, через которую между ними может быть прослежена “рациональная эволюция”». Фундаментальные различия между научными представлениями и критериями двух различных эпох поэтому «не препятствуют автоматическим связям, сравнимости и прогрессу». В этом случае для определения того, что же действительно происходит в ходе научной революции, требуются эмпирические *case studies* по истории науки. Конечно, то, что представляется общепризнанным, или даже экспериментальное свидетельство будут меняться со временем, но — и это существенно — всегда имеются убедительные причины для перемены.

Очевидно, что в сценарии Шапире нет гарантии того, что существующая теория отражает мир в каком-либо абсолютном смысле. Его стратегия, таким образом, не заключается в возвращении к «наивному реализму». Она, однако, признает, что старые теории, при всех их недостатках, «по крупному счету» часто успешны. Помимо этого становится возможной, хотя и не неизбежной, ситуация, при которой теория не вызывает какого-либо разумного возражения в течение длительного времени. Если это случается и если теория оказывается успешной и не оспоренной в своей основе, трудно оставаться скептически настроенным в отношении ее когнитивных возможностей⁶².

Другое направление антирелятивистской аргументации имеет своими корнями представление о том, что научные построения являются в конечном итоге не чем иным, как сложными метафорами (аналогиями или моделями). Ход рассуждений при этом таков. Ученые и социологи-исследователи в попытках решения некоторых, до того необъясненных, аспектов реальности ищут в окружающем мире подобные — в широком смысле — процессы, которые им понятны, и интерпретируют исследуемые проблемы в свете этой информации. Другими словами, они конструируют особого рода картину перехода от того, что они понимают, для представления природы изучаемого процесса. Картины такого рода обычно называются моделями. Но при этом они являются аналогиями или «метафорами», т.е. приемами, при которых что-то извест-

⁶² *Shapere, D. The Character of Scientific Change // Scientific Discovery, Logic, and Rationality / Ed. by T. Nickles. Dordrecht: D. Reidel, 1980. P. 61–116.*

ное рассматривается с допущением, что это является чем-то другим. Эта метафора, в свою очередь, становится своеобразным увеличительным стеклом, через которое рассматривается объект или явление, причем некоторые аспекты игнорируются или затушевываются, в то время как другие подчеркиваются или организуются особым образом. Например, некоторые географы представляют государство в виде растущего организма, а ландшафт в качестве текста, который нужно прочесть и интерпретировать.

На первый взгляд может показаться, что речь идет о достаточно релятивистской концепции научных моделей, потому что, как подчеркивает Мэри Гессе, между метафорическими рассуждениями о мире и самим миром не существует соответствующих прямых связей. Все реальные связи основаны лишь на аналогиях. Помимо этого, переход от одной модели к другой представляется столь же радикальной переменной, как и смена парадигм. Представление мира в качестве машины (т.е. использование механистической модели) существенно отличается от рассмотрения его в качестве организма (т.е. обращения к органическим аналогиям). Но для Эрнана Мак-Муллина модельный подход может быть использован в качестве реалистической стратегии. Для него распространение определенной модели, предлагающей новые сферы исследования и предсказывающей открытие новых факторов, является сигналом того, что в ней содержится зерно истины. Хорошие модели содержат в себе определенные откровения и расширения, которые позволяют подвергать их экспериментальной проверке⁶³. В то же время модель в сравнении с объектом «беднее», она отражает лишь определенные свойства объекта. Следовательно, непосредственное перенесение результатов, полученных при моделировании, на исследуемый объект нередко приводит к наделению его свойствами, ему не присущими, ибо, как резонно полагают Н. Хагер и Г. Херц, «связь между моделью и объектом практически и теоретически создается субъектом, использующим аналогии или гомологии [подобия] для познания объекта... Знания, добытые с помощью моделей, имеют характер гипотез о свойствах объекта, а гипотезы проверяются в условиях ограниченной практики, а именно модельной»⁶⁴.

Постановка эксперимента является третьим подходом, который используется для защиты реалистической составляющей в науке. Для Яна Хакинга экспериментальная физика предоставляет сильнейшие свидетельства в поддержку реализма — реализма не в теориях и объяснениях, но в трактовке целого (целостного мира). Другими словами, тот факт, что посредством экспериментов чем-то во внешнем мире можно манипулировать — либо электронами, либо атомами, либо чем-либо иным — является доказательством существования последних вне зависимости от того, какой конкретной теорией руководствуется исследователь⁶⁵. Использование Хакингом эксперимента,

⁶³ McMullin, E. A Case for Scientific Realism // *Scientific Realism* / Ed. by J. Leplin. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 8–40.

⁶⁴ Hager, N.; Hörz, H. Modelle und Modellmethode in der Wissenschaftlichen Erkenntnis // *Deutsche Leitschrift für Philosophie*. Berlin, 1977. # 2. S. 166; Мукитанов. От Страбона до наших дней... С. 103.

⁶⁵ Hacking, I. Experimentation and Scientific Realism // *Scientific Realism*... P. 154–172.

таким образом, узко ограничено, и трудно себе представить, какое приложение оно может иметь к таким историческим наукам, как эволюционная биология или геология, а также к большинству гуманитарных наук, в которых экспериментирование с историческими или социальными процессами невозможно. Этот подход реально может убедить нас в том, что объекты окружающего мира действительно существуют, однако он не опровергает утверждения релятивистов об относительности (социальной обусловленности всех наших теорий об этих объектах). Тем не менее переоценка важности эксперимента действительно указывает путь для некоторого обуздания всеобщего скептицизма. В руках Роя Бхаскара эксперимент используется как инструмент с более широким спектром возможностей. Он рассуждает следующим образом. Эксперименты — это действия, выполняемые людьми. Люди создают особые экспериментальные ситуации, которые воспроизводят, насколько это возможно близко, замкнутую систему, подходящую для проверки определенного закона. Таким образом, возникает ощущение, что события, наблюдаемые в любом эксперименте, будь то вспышки на экране или изменение положения стрелок на приборе, вызваны людьми. Если бы экспериментаторы не вторглись в природу, эти события не произошли бы. Но в то же время законы, которые исследуются через проявления этих событий, созданы не людьми. Они действуют независимо от экспериментаторов, их исследующих. Понятно, что существует различие между последовательностью событий (экспериментальных эффектов), зафиксированных опытным путем, и проявлениями истинных законов природы, в частности и потому, что сами законы описывают лишь отдельные аспекты изучаемого объекта. Ведь исследуемые объекты или системы обладают характеристиками, выходящими за рамки, определенные законами. Возьмем для примера движущийся ледниковый покров. Он является одновременно механической, гидрологической, химической и термальной системой. Если, например, мы хотим выявить механизмы гляциального движения, мы должны будем контролировать условия таким образом, чтобы закон в этих условиях «проявил» себя. Поэтому мы стараемся минимизировать те «посторонние» тенденции, силы или механизмы, которые действуют на систему помимо закона движения⁶⁶.

Следует подчеркнуть, что для Бхаскара наши знания о мире воспроизводятся социально. Но в то же время «именно сама природа вещей определяет их когнитивные возможности для нас». Таким образом, наши теории не полностью обуславливаются социальными факторами или нашими личными предрасположениями; имеется прямой «ввод» из материального мира, который устанавливает пределы того, что мы можем сказать о мире и — что, возможно, даже более важно — что мы можем в нем совершить. Последнее особенно существенно, потому что для некоторых реалистов критерием правильности теории является ее практическая адекватность. Если кому-то это покажется подозрительно похожим на всего лишь инструментальный успех, реалист ответит, что практическое знание полезно просто потому, что оно ис-

⁶⁶ Livingstone. The Geographical Tradition... P. 21.

тинно. Другими словами, возможность его практического использования не случайна, а обусловлена самой природой мира ⁶⁷.

Четвертым направлением доказательства в борьбе реалистов с радикальным релятивизмом является выдвинутая Эрнаном МакМуллином идея об исторической стойкости (долговечности) теории. Иными словами: чтобы претендовать на истинность, теория должна продемонстрировать определенную стабильность и «способность к выживанию» со временем и вопреки изменениям «научной моды». «Что, вероятно, в наибольшей степени говорит в пользу теории, это не только ее успехи в прогнозировании, — пишет МакМуллин, — но то, что может быть названо ее выносливостью в возможности справляться с аномалиями творчески и плодотворно». Хорошей иллюстрацией является теория эволюции. В течение многих лет после того, как Чарльз Дарвин впервые выдвинул свою версию теории, проходили жаркие дискуссии о точной природе действующих механизмов эволюции, о важности генетической мутации, о связанной с ней социальной философии и т.д. Но теория в том виде, в каком она существует сейчас, все еще вполне узнаваемо дарвинистская, несмотря на все ее развитие и изменения. Очевидно, эта ее стойкость дает нам определенное право утверждать, что теория действительно говорит нам что-то об истории органического мира. Конечно, возможно, что существовали некие социальные факторы, эндемичные периоду, в который формулировалась теория, но со временем эти наслоения просто «отфильтровались» ⁶⁸.

Таковы некоторые направления критики философами радикального релятивизма. Следует подчеркнуть, однако, что защитники реализма с готовностью допускают, что социальные и другие вненаучные факторы влияют на научную теорию и практику на многих уровнях. Они признают, что политические, социальные, метафизические и эстетические интересы влияли на продукты научного знания. Но они отрицают, что признание этого дает основание для полного скептицизма в отношении когнитивных возможностей науки. Мартин Рудуик следующим образом обобщает эти соображения:

Научное знание действительно может быть социальной конструкцией... и поэтому продуктом культуры, но оно также отражает неслучайное отношение с внешним миром. Сейчас принято считать, что внешний мир не полностью определяет форму теорий о нем; но это понимание не должно привести нас к утверждению, что естественный мир вообще не влияет на наши теории... Попросту говоря, рассмотрение научного зна-

⁶⁷ Bhaskar, R. *Realism* // Dictionary of the History of Science / Ed. by W. F. Bynum, E. J. Browne and R. Porter. London: Macmillan, 1981; Sayer, A. *Method in Social Science. A Realist Approach*. London: Hutchinson, 1984. P. 100. См. также: Bhaskar, R. *A Realist Theory of Science*. Sussex: Harvester Press, 2nd edn 1978.

⁶⁸ McMullin, E. *History and Philosophy of Science: A Marriage of Convenience? // Methodological and Historical Essays in the Natural and Social Sciences. Proceedings of the Boston Colloquium for the Philosophy of Science, 1969–72* / Ed. by R. S. Cohen and M. W. Wartofsky. Dordrecht: Reidel, 1974. P. 597.

ния в качестве социальной конструкции не должно отвергать возможности кумулятивного научного прогресса ⁶⁹.

Для любой попытки реконструкции истории географии весьма существенны выводы рассмотренных выше философских дискуссий. Во-первых, сама по себе история играла ключевую роль во всех этих дебатах, в поисках аргументов к ней обращались как релятивисты, так и реалисты. Выводы эти существенны также и потому, что обе стороны признавали влияние социальных факторов и, соответственно, отвергали наивный эмпиризм и позитивизм прошлого. Таким образом, мы должны признать, что представления социологии знания вполне законно вынуждают нас задаваться по поводу любой теории такими вопросами, как: кто ее предложил? кто ее использовал? чьим интересам она служила? А между тем именно этих вопросов упорно избегали традиционные историки географии. Поэтому нужен такой подход к истории географии, при котором будет в полной мере принят во внимание интеллектуальный и социальный контекст эпохи, породившей географическое знание. «Строительный материал» для соответствующей историографии уже доступен благодаря трудам историков мысли (интеллектуальных историков), но их влияние на труды историков географии практически отсутствовало. Лишь в самое последнее время историки географии стали стараться идти в ногу с достижениями философов науки.

Из всех новейших веяний истории и философии науки концепция парадигмы, безусловно, является наиболее модной в среде современных историков географии. Одну из первых попыток применения концепции парадигмы к истории географии мы встречаем во вступлении Питера Хаггета и Ричарда Чорли к сборнику «Модели в географии» ⁷⁰. На том этапе (в 1967 г.) их приверженность принципам Куна выразилась лишь в демонстрации несовершенств «классификационной» парадигмы — традиционной региональной географии — и в пропаганде новой, основанной на моделях, парадигмы. Свою цель Хаггет и Чорли формулируют следующим образом: «Постоянные трудности, связанные с традиционной парадигмой географии, основанной на классификации, приводят к мысли, что выход, по-видимому, лежит в поисках других подходов. Здесь мы: 1) постараемся выделить некоторые из основных элементов парадигмы, базирующейся на моделировании; 2) обсудим возможное влияние такого подхода на исследования; 3) рассмотрим, удовлетворяет ли этот подход некоторым требованиям, предъявляемым к новому «претенденту»» ⁷¹. С этого времени географы неоднократно пытались использовать подход Куна в своих поисках географии, реконструированной на «парадигмальной основе».

⁶⁹ Rudwick, M. Senses of the Natural World and Senses of God: Another Look at the Historical Relation of Science and Religion // The Science and Theology in the Twentieth Century / Ed. by A. R. Peacocke. Henley and London: Oriel Press, 1981. P. 252.

⁷⁰ Hagget, P.; Chorley, R. J. Models, Paradigms and the New Geography // Models in Geography / Ed. by R. J. Chorley and P. Hagget. London: Methuen, 1967. P. 1–41; Хаггет П., Чорли Р. Дж. Модели, парадигмы и новая география // Модели в географии. М., 1971.

⁷¹ Хаггет, Чорли. Модели, парадигмы и новая география... С. 21–22; Мукистанов Н. К. От Страбона до наших дней... С. 100.

Для некоторых это оставалось в большей степени призывами и рецептами к приложению разработок Куна к географической науке, для других — подход был более осознанно-историческим. Совершенно очевидно, что для первой группы исследователей обращения к куновским подходам были в основном полемическими по духу и пропагандистскими по назначению. В частности, Хаггет и Чорли использовали эти представления для внедрения основанного на математике системного подхода; Берри обращался к революции в принятии решений, базирующейся на системах; Дэвид Харвей, опираясь на куновские представления о кризисе, проповедовал неопозитивистскую методологию⁷² и также писал, что география «движется к принятию новой “системной парадигмы”»⁷³. Общую теорию систем как системную парадигму рассматривал также один из ведущих советских географов В. Б. Сочава. Он полагал, что системная парадигма в географии не только способствует решению проблем, связанных с частногеографическим знанием, но и составляет его методологическую основу — метатеорию, т.е. теорию, которая синтезирует все географические дисциплины, изучающие природу, хозяйство и население. «Поэтому, — писал он, — метатеорию географических дисциплин и вопросы организации системы географических знаний правильнее выделить в особое направление — географическую тектологию, используя этот термин Э. Геккеля — А. Богданова в географическом смысле»⁷⁴.

В 1960–1970-х гг. наиболее видные зарубежные географы — представители «количественной революции» стали развивать направление, которое получило название радикальной географии. Как пишет Р. Пит, британские географы начали читать Маркса с конца 1960-х гг., а американские — с начала 1970-х, и под влиянием его трудов «радикальная география» переходит на марксистские позиции⁷⁵. Журнал «Антипод» — радикальный журнал географии — объединил вокруг себя географов Запада, придерживавшихся левых политических взглядов, а лидерами этого движения стали В. Бунге⁷⁶

⁷² Обзор использования модели Куна различными зарубежными географами проведен Эндрю Майром: *Mair, A. Thomas Kuhn and Understanding Geography // Progress in Human Geography*. 1986. Vol. 10. P. 345–369. См. также: *Buttimer, A. On People, Paradigms, and «Progress» in Geography // Geography, Ideology and Social Concern...* P. 81–98.

⁷³ Харвей Д. Научное объяснение в географии. М., 1974. С. 433.

⁷⁴ Сочава В. Б. Системная парадигма в географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1973. № 5. С. 399–400; Мукитанов. От Страбона до наших дней... С. 104–105.

⁷⁵ *Peet, R. Inequality and Poverty: A Marxist Geographical Theory // Radical Geography: Alternative Viewpoints on Contemporary Social Issues / Ed. by R. Peet. London: Methuen, 1978.*

⁷⁶ *Bunge, W., Theoretical Geography. Lund: Gleerup, 1962; Bunge, W. Fred K. Schaefer and the Science of Geography // Harvard Papers in Theoretical Geography. Special Papers Series A, 1968; Bunge, W. Fitzgerald: The Geography of a Revolution. Cambridge, Mass.: Schenkman, 1971; Bunge, W., The First Years of the Detroit Geographical Expedition: a Personal Report // Radical Geography...; Bunge, W. Fred K. Schaefer and the Science of Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1979. Vol. 69. P. 128–132; Bunge, W., Perspective on Theoretical Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1979. Vol. 69. P. 169–174; Peet, R. The Development of Radical Geography in the United States // Progress in Human Geography. 1977. Vol. 1. P. 240–263; Gregory, D. Marxist Geography // The Dictionary of Human Geography / Ed. by R. J. Johnston. Oxford: Blackwell, 2nd edn., 1989. P. 287–292.*

и Д. Харвей. В 1969 г. (второе издание — 1978 г.) в Англии был опубликован сборник «Радикальная география: альтернативные взгляды на современные социальные проблемы»⁷⁷, содержащий подборку статей из «Антипода», которые отражали эволюцию взглядов представителей этого нового направления. По их общему мнению, прежние парадигмы носили абстрактный характер и были оторваны от реальной жизни, из-за чего было потеряно теоретическое представление об исследуемых, в особенности экономико-географических, явлениях, и «методология исследований, — пишет Д. Слейтер, — была извращена»⁷⁸. Основной недостаток «количественной революции» Д. Смит и Фю Огден видят в том, что она «избегала поисков определяющих экономических и социальных структур»⁷⁹, т.е. игнорировала содержание, определяющее данную систему отношений. Считая, что парадигмы, основанные на неопозитивистской философии, не способны быть методологическим ориентиром в решении проблем как глобального, так и собственно географического характера, сторонники «радикальной географии» пришли к выводу, что единственной научной методологией, как пишет, например, Д. Харвей, может быть только диалектический материализм⁸⁰.

Ведущие советские географы того времени с одобрением отнеслись к появлению «радикальной географии», критикуя, однако, ее сторонников за довольно произвольные, с точки зрения ученых, воспитанных в строгих традициях «истинного» марксизма-ленинизма, трактовки этого учения, а также за то, что география в рамках этой парадигмы рассматривалась как чисто социальная наука, что вообще характерно для западной науки. В СССР было опубликовано две статьи, содержащие подробный анализ «радикальной географии», истоков, условий появления и тенденций ее развития⁸¹.

Разочарование в позитивистской методологии и в современной науке вообще привело к возникновению еще одного направления, претендующего на самостоятельность и развивающегося наряду с радикальной географией. По методологической основе это направление определяется Н. К. Мукитановым как «экзистенциалистско-феноменологическое». Своими корнями оно уходит в антропологическую географию и в географию «культурного ландшафта». Однако если раньше антропогеографы предлагали изучать любой географический объект исключительно в его отношении к человеку, то представители экзистенциалистско-феноменологической концепции пытаются вывести любые принципы самого исследования из внутреннего мира индивидуума,

⁷⁷ *Radical Geography...* (first published in 1969).

⁷⁸ *Slater, D. The Poverty of Modern Geographical Enquiry // Radical Geography...* P. 42.

⁷⁹ *Smith, D.; Ogden, P. E. Reformation and Revolution in Human Geography // Change and Tradition: Geography's New Frontiers. Papers presented to a Conference of teachers / Ed. by R. Lee. Dept. of Geography, Queen Mary College, University of London, 1977. P. 54.*

⁸⁰ *Harvey, D. Population Resources and the Ideology of Science // Radical Geography...* P. 240.

⁸¹ *Лавров С. Б., Преображенский В. С., Сдасюк Г. В. Современная «радикальная география» Запада: корни, история, позиции // Известия АН СССР. Серия географическая. 1979. № 2; Гохман В. М., Лавров С. Б., Сдасюк Г. В. Социально-экономическая география в странах Запада на переломе // Известия ВГО. 1979. № 2; См. также: Мукитанов. От Страбона до наших дней... С. 112–114.*

системы выработанных им ценностей, т.е. формулирование достоверного знания, построение «истинной» географии они связывают всецело с субъективным восприятием человека, с его индивидуальным воображением и интуицией. Эти основные моменты феноменологической и экзистенциалистской парадигмы были впервые изложены в работах основателей современной модификации антропологической географии К. Сауэра и Д. Райта. Так, Карл Сауэр полагал, что в силу своей ограниченности научный метод должен дополняться вживанием субъекта в объект, интуицией. Д. Райт идет еще дальше, утверждая, что основу исследования объекта географии могут составлять не научные принципы, а те субъективные ориентиры, которые формируются интуицией, внутренним видением человека⁸².

Само собою разумеется, что, как и другие историки науки, некоторые из историков географии искали в идее парадигмы «ключ» для проникновения в природу резких исторических изменений в нашей науке. Даже беглый обзор попыток подобных поисков показывает, что на роль «географических парадигм» претендовали весьма многообразные течения и подходы. Берри выдвигал так называемую «количественную [математическую] революцию» в географии в качестве перехода этой дисциплины в статус полноценной парадигмы, т.е. — сформировавшейся науки. Харвей и Холли выделяли пять «классических» авторов — Ратцеля, Видаля, Сауэра, Хартшорна и Шайфера⁸³ — как достигших уровня парадигмы. Джонсон, несмотря на свое сомнение

⁸² Мукитанов. От Страбона до наших дней... С. 115–116.

⁸³ *Ratzel, F. The Territorial Growth of States // Scottish Geographical Magazine. 1896. Vol. 12. P. 351–361; Ratzel, F. The History of Mankind: In 3 vols / Translated from the Second German edition by A. J. Butler. London: Macmillan, 1896–8; Ratzel, F. Erdenmacht und Völkerschicksal / Edited and introduced by K. Haushofer. Stuttgart: A Kröner, 1940; Vidal de la Blache, P. Rapports de la Sociologie avec la Géographie // Revue Internationale de Sociologie. 1904. Vol. 12. P. 309–313; Vidal de la Blache, P. Les Genres de Vie dans la Géographie Humaine // Annales de Géographie. 1911. Vol. 20. P. 193–212, 289–304; Vidal de la Blache, P. Les Caractères Distinctifs de la Géographie // Annales de Géographie. 1913. Vol. 22. P. 289–299; Vidal de la Blache, P. Principles of Human Geography / Translated by M. Todd Bingham. London: Costable and Company, 1926; Sauer, C. O. The Morphology of Landscape // University of California Publications in Geography. 1925. Vol. 2. No. 2. P. 19–54.; Sauer, C. O. Geography, Cultural // Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by E. R. A. Seligman. Vol. 6. New York: Macmillan, 1934. P. 621–624; Sauer, C. O. Friedrich Ratzel // Encyclopedia of the Social Sciences... Vol. 13. P. 120–121; Sauer, C. O. Ellen Churchill Semple // Encyclopedia of the Social Sciences... Vol. 13. P. 661–662; Sauer, C. O. Destructive Exploitation in Modern Colonial Expansion // Comptes Rendus du Congrès International de Géographie. Vol. 2. 1938. P. 494–499; Sauer, C. O. Theme of Plant and Animal Destruction in Economic History // Journal of Farm Economics. 1938. Vol. 20. P. 765–775; Sauer, C. O. Foreword to Historical Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1941. Vol. 31. P. 11–24 (Reprint in: Land and Life: A Selection from the Writings of Ortwin Sauer / Ed. by J. Leighly. Berkeley: University of California Press, 1963. P. 1–8); Sauer, C. O. Plant and Animal Exchanges between the Old and the New World // Notes from a Seminar Presented by C. O. Sauer, at UCLA in 1961 / Ed. by R. Newcomb. Privately printed, 1963; Sauer, C. O. The Early Spanish Main. Berkeley: University of California Press, 1966; Sauer, C. O. Northern Mists. Berkeley: University of California Press, 1968; Sauer, C. O. The Formative Years of Ratzel in the United States // Annals of the Association of American Geographers. 1971. Vol. 61. P. 245–254; Sauer, C. O. Sixteenth Century North America: The Land and The People as seen by the Europeans. Berkeley: University of California Press, 1971; Hartshorne, R. Upper Silesian Industrial District // Geographical Review. 1934. Vol. 24. P. 423–438; Hartshorne, R. The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of*

в применимости разработок Куна к географии, выделяет порядка шести дисциплинарных матриц (программ). Мартин, больше концентрировавший свое внимание на географии Соединенных Штатов, отметил не менее пяти различных парадигм, некоторые из них, например «эклектический плюрализм», выделенный им для периода с 1957 г. до современности, едва ли может быть в какой-либо мере родственными идеям Куна⁸⁴.

С течением времени увлечение Куном в среде историков географии стало уменьшаться, и появилось довольно значительное число работ, в которых подвергалась сомнению возможность применения к географии представлений о парадигмах в чистом виде⁸⁵. Эти сомнения, однако, не означали возвращения к чисто интерналистскому подходу, и по крайней мере часть историков географии продолжала активные исследования развития своей науки в рамках социокультурного контекста исторического процесса соответствующих периодов. Среди работ, в которых подчеркивается необходимость такого контекстуального прочтения истории географии, следует упомянуть, в частности, труды Винсента Бердуле, Олави Грано и Ховарда Эндрюса⁸⁶.

the Past. Lancaster, Pa.: Association of American Geographers, 1939; *Hartshorne, R.* «Exceptionalism in Geography» Re-Examined // *Annals of the Association of American Geographers*. 1955. Vol. 45. P. 205–244; *Hartshorne, R.* The Concept of Geography as Science of Space, from Kant and Humboldt to Hettner // *Annals of the Association of American Geographers*. 1958. Vol. 48. P. 97–108; *Hartshorne, R.* Perspective on the Nature of Geography. Chicago: Rand McNally, 1959; *Hartshorne, R.* On the Role of Immanuel Kant in the History of Geographic Thought // Paper presented to the Association of American Geographers Annual Meeting, 23 April 1975; *Hartshorne, R.* William Morris Davis — The Course of Development of his Concept of Geography // *The Origins of Academic Geography in the United States* / Ed. by B. W. Blouet. Hamden, Conn.: Archon Books, 1981. P. 139–149; *Hartshorne, R.* Hettner's Exceptionalism — Fact or Fiction? // *History of Geography Newsletter*. 1988. Vol. 6. P. 1–4; Schaefer, F. K. Exceptionalism in Geography: A Methodological Examination // *Annals of the Association of American Geographers*. 1953. Vol. 43. P. 226–249.

⁸⁴ *Berry, B. J. L.* Introduction // *Perspectives in Geography*. Vol. 3: The Nature of Change in Geographical Ideas / B. J. L. Berry. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1978; *Harvey, M. E.; Holly, B. P.* Paradigm, Philosophy and Geographical Thought // *Themes in Geographic Thought* / Ed. by M. E. Harvey and B. P. Holly. London: Croom Helm, 1981. P. 11–37; *Johnston, R. J.* Paradigms and Revolutions or Evolution? Observations on Human Geography Since the Second World War // *Progress in Human Geography*. 1978. Vol. 2. P. 189–206; *Johnston, R. J.* Geography and Geographers: Anglo-American Human Geography since 1945. London: Arnold, 4th edn., 1991; *Johnston, R. J.* Paradigms, Revolution, Schools of Thought and Anarchy: Reflections on Recent History of Anglo-American Human Geography // *The Origins of Academic Geography...* P. 303–318; *Martin, G. J.* Paradigm Change: A History of Geography in the United States, 1892–1925 // *National Geographic Research*. 1985. Vol. 1. № 2. P. 217–236.

⁸⁵ См., например: *Graves, N. J.* Can Geographical Studies be Subsumed under one Paradigm or are Plurality of Paradigms Inevitable? // *Terra*. 1981. Vol. 93. № 3. P. 85–90; *Stoddart, D. R.* The Paradigm Concept and the History of Geography // *Geography, Ideology and Social Concern...* P. 70–80; *Wheeler, P. B.* Revolutions, Research Programmes and Human Geography // *Area*. 1982. Vol. 14. P. 1–6; *Haines-young, R.; Petch, J.R.* The Methodological Limitations of Khun's Model of Science. University of Salford, Department of Geography, Discussion Paper 8, 1978.

⁸⁶ *Berdoulay, V.* The Contextual Approach // *Geography, Ideology and Social Concern...* P. 8–16; *Granö, Olavi.* External Influence and Internal Change in the Development of Geography // *Ibid.* P. 17–36; *Andrews, H. F.* The Durkheimians and Human Geography: Some Contextual Problems in the Sociology of Knowledge // *Transactions of the Institute of British Geographers. New Series*. 1984. Vol. 9. P. 315–336.

Одним из направлений исследований подобного рода были попытки изучения различных сетей (неформальных исследовательских систем), в рамках которых функционировали географы. Исходной установкой при этом являлось утверждение, что эти неформальные общественно-научные «кружки» (сообщества), или, как их иногда называли, «невидимые колледжи», определяли форму и содержание естественно-научного знания. Сторонники «умеренного крыла» этого направления представляли такие неформальные исследовательские сети в качестве неких каналов распространения идей, «экстерналистского контекста» для «интерналистских теорий», или в качестве нежесткой организационной структуры, в которую включены дисциплинарные подгруппы. Подобный подход был четко продемонстрирован Элспетом Локхедом в исследовании процесса профессионализации британской географии на рубеже XIX и XX столетий⁸⁷. Ученые, поддерживающие более «жесткую версию», настаивают на том, что такого рода группировки — исследовательские школы, невидимые колледжи, научные «кружки» (сообщества) и т. д. — напрямую формируют само знание. Такой подход применен Горацио Капелем при исследовании роли, которую играли различные учреждения и сообщества при институализации географии в качестве университетской дисциплины. По этому поводу он, в частности, замечает следующее: «Научное сообщество географов являет собой пример научного сообщества, сформировавшегося на базе чисто социальных факторов, а не в результате особых потребностей в научном знании... Наличие этой науки (предмета) в программах начального и среднего образования создало в XIX в. потребность в учителях географии, что, в свою очередь, привело к университетской институализации этой науки»⁸⁸.

Выявление роли социально-экономических факторов в историческом развитии общества, культуры, науки и любых других аспектов жизни и деятельности человечества является главным стержнем любого исследования, проведенного в рамках марксистской историографии. Среди зарубежных историков географии Дэвид Харвей является одним из наиболее ярких представителей этого направления. Он, в частности, настаивает на необходимости анализа развития географического знания и науки на базе исторического материализма, подчеркивая, что структура, роль и функции географии менялись «в соответствии с изменением социальных конфигураций [общественных отношений] и потребностей»⁸⁹. По Харвею, история географии является де-

⁸⁷ *Lochhead, E.* Scotland as the Cradle of Modern Academic Geography in Britain // *Scottish Geographical Magazine*. 1981. Vol. 97. P. 98–109; *Lochhead, E.* On Socio-Scientific Circles and the History of Geography (неопубликованная рукопись, ссылку на нее см.: *Livingstone D. N.* The Geographical Tradition. Episodes in the History of a Contested Enterprise. [First published 1992]. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1996. P. 26; О «невидимых колледжах» см. также: *Crane, D.* Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities. Chicago: University of Chicago Press, 1972; *Ben-David, J.* Introduction // *International Social Science Journal*. 1970. Vol. 22. P. 7–27.

⁸⁸ *Capel, H.* Institutionalization of Geography and Strategies of Change // *Geography, Ideology and Social Concern*... P. 37–69; цит. по: *Livingstone.* The Geographical Tradition... P. 26.

⁸⁹ *Harvey, D.* On the History and Present Condition of Geography: An Historical Materialist Manifesto // *Professional Geographer*. 1984. Vol. 36. P. 1.

монстрацией «географического узаконивания» общественных отношений, которые ее (географию) создали. Так, например, в период, который он называет буржуазной эрой, география служила всего лишь научным обеспечением развития мировой капиталистической экономики. Соответственно, такие стандартные географические практики викторианской эпохи в Англии, как географические исследования, топографические съемки, региональные исследования и кадастр, геополитическая таксономия и изучение природных ресурсов, могут быть поняты лишь в контексте имперской манипуляции, управления и эксплуатации. Таким образом, не только «форма» географии была отражением общественной ситуации (общественных отношений), но и «содержание» этого знания было в не меньшей степени социально обусловленным. По мнению Дэвида Ливингстоуна, хотя выводы Харвея следует принимать лишь с учетом их «социального редукционизма» (жесткой обусловленности марксистской идеологией), безусловно заслуживают одобрения его попытки найти место географического знания в социальных, экономических и политических условиях соответствующего периода ⁹⁰.

Значительное влияние на развитие исследований по истории картографии оказали в определенной мере созвучные историческому материализму разработки известного англо-американского ученого Дж. Брайна Дж. Харлея. Практически в любом старинном картографическом произведении Харлей умел найти то, что он называл «картографическим заговором» (*Map Conspiracy*), — т. е. определяющее влияние на содержание карты имперской идеологии, националистических, кастовых, классовых или любых иных интересов государств или социальных групп, использовавших убедительный язык карт для пропаганды и претворения в жизнь своих социальных программ насилия и принуждения ⁹¹.

Естественно, что интерпретация развития географического знания с учетом социокультурных аспектов соответствующего периода не может быть ограничена лишь подходами, навешанными идеями исторического материализма. В качестве другого перспективного пути было предложено глубже исследовать когнитивную (познавательную) роль аналогии и метафоры (моделей) в развитии научного знания. Здесь, как уже упоминалось выше, используется подход, при котором для познания сложности мира мы ищем ответов в процессах, которые для нас предполагаются познанными и понятными, а потому мы исследуем еще не изученные реалии, базируясь на этом знании, экстраполируя его на непознанные аспекты. Дэвид Ливингстоун резонно считает, что «эвристический потенциал использования аналогий весьма значителен, даже учитывая то, что всегда имеется риск восприятия метафоры (модели) в каче-

⁹⁰ Livingstone. *The Geographical Tradition...* P. 27.

⁹¹ См., например, труды Дж. Брайна Харлея, процитированные в сноске 33, а также: *The History of Cartography* / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Volume One: *Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean*. Chicago: University of Chicago Press, 1987; *Harley, J. B. The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography* / Ed. by P. Laxtonn. Introduction by J. H. Andrews. Baltimor and London: The John Hopkins University Press, 2001. 331 p.

стве самого объекта или — желания верить вместо уверенности»⁹². Так, можно считать, что иногда видение географами сформулированных ими задач исследования было основано на метафорах (моделях). Например, Фридрих Ратцель в рамках своих исследований по политической и антропогеографии рассматривал государство в качестве «организма»⁹³, Уильям Дэвис применял к изменениям ландшафта понятие «цикла»⁹⁴, Куртис Роуз говорит о городе как о тексте, который следует читать, а Марвин Сэмюэлс исследует «биографию»⁹⁵ ландшафта⁹⁶ и т.д. Конечно, трактовать историю географии как чередование модельных видений не означает с неизбежностью реконструкции развития дисциплины во всей сложности его взаимосвязи с социально-культурными процессами. Поэтому было бы весьма желательно изучать те социальные обстоятельства, в которых возникали, «выживали», процветали или угасали те или иные модели развития. Сам Дэвид Ливингстоун определяет свой подход к изложению истории географии как «сплав всех тех методов, которые в настоящее время выступают под названием “новой историографии”»⁹⁷.

Исходными для Ливингстоуна являются следующие основания. Во-первых, он считает необходимым воздержаться от определения сущностной природы географии, полагая, что поиски некоего постоянного метафизического ядра географии, независимого от исторических обстоятельств, должны быть прекращены раз и навсегда. Ливингстоун полагает, что размышлять о природе географии как о чем-то навсегда зафиксированном столь же бессмысленно

⁹² Livingstone. The Geographical Tradition... P. 27.

⁹³ О Фридрихе Ратцеле и его трудах см.: Wanklyn, Y. Fridrich Ratzel. A Biographical Memoir and Bibliography. Cambridge: Cambridge University Press, 1961; Bassin, Mark. Fridrich Ratzel's Travels in the United States: A Study in the Genesis of his Anthropogeography // History of Geography Newsletter. 1984. Vol. 4. P. 11–22; Bassin, M. Fridrich Ratzel 1884–1904 // Geographers. Biobibliographical Studies. 1987. Vol. 11. P. 123–132; Bassin, M. Imperialism and the Nation State in Friedrich Ratzel's Political Geography // Progress in Human Geography. 1987. Vol. 11. P. 473–495; Bassin, M. Race contra Space: The Conflict between German Geopolitic and National Socialism // Political Geography Quarterly. 1987. Vol. 6. P. 115–134.

⁹⁴ Davis, W. M. Geographic Classification, Illustrated by Study of Plains, Plateaus and their Derivatives // Proceedings of American Association for the Advancements of Science (33rd Meeting Philadelphia). 1885. P. 428–432; Davis, W. M., The Rivers and Valleys of Pennsylvania // National Geographic Magazine. 1889. Vol. 1. P. 183–253; Davis, W. M. The Development of Certain English Rivers // Geographical Journal. 1895. Vol. 5. P. 127–146; Davis, W. M. The Geographical Cycle // Geographical Journal. 1899. Vol. 14. P. 481–505; Davis, W. M. The Physical Geography of the Lands // Popular Science Monthly. 1900. Vol. 57. P. 157–170; Davis, W. M. Systematic Geography // Proceedings of the American Philosophical Society. 1902. Vol. 41. P. 235–259; Davis, W. M. An Inductive Study of the Content of Geography // Bulletin of the American Geographical Society. 1906. Vol. 38. P. 67–84; Davis, W. M. The Progress of Geography in the United States // Annals of the Association of American Geographers. 1924. Vol. 14. P. 158–215.

⁹⁵ Samuels, M. An Existential Geography // Themes in Geographic Thought / Ed. by M. E. Harvey and B. P. Holly. London: Croom Helm, 1981. P. 22–40.

⁹⁶ См.: Livingstone, D. N.; Harrison, R. T. Understanding in Geography: Structuring the Subjective // Geography and the Urban Environment: Progress in Research and Applications / Ed. by D. T. Herbert and R. J. Johnson. Vol. 5. Chichester: John Wiley, 1982. P. 1–39.

⁹⁷ Livingstone. The Geographical Tradition... P. 28.

но, как задаваться вопросом о рациональности какого-либо верования вне зависимости от специфических условий. Очевидно, что рациональное различно для доярки XII века, астролога XVII столетия и студента университета XX века. Подобным образом то, что было географией в Англии XVI столетия, сильно отличалось от соответствующей науки, скажем, в Америке времен Джефферсона, во Франции периода Просвещения, в викторианской Британии или в Германии в период между двумя мировыми войнами. География означала весьма различные вещи для различных людей, находившихся в разных местах, и, таким образом, «природа» географии всегда относительна. Поэтому задача историка географии, по крайней мере частично, состоит в том, чтобы определить, как и почему конкретные практики и процедуры становились географически признанными и, соответственно, нормативными в различные моменты времени и в разных пространственных ситуациях.

Во-вторых, Дэвид Ливингстоун считает необходимым отойти от традиционного акцента на историю географической мысли в интерналистском смысле. Это не означает, что он призывает вообще не изучать географическую теорию и мышление, но полагает обязательным локализовать определенные теории в рамках современных им социальных и интеллектуальных обстоятельств. В связи с этим Ливингстоун призывает историков географии в отношении каждой теории задаваться вопросами: почему она была выдвинута? чьим интересам она способствовала или препятствовала? в каком сообществе она была сформулирована и распространялась? насколько теория была приспособлена к когнитивной и социальной среде? Более того, Ливингстоун, так же как Брайн Харлей и Ян Голинский, полагает, что традиционные географические «ремесла» — такие, как картография и региональные съемки, — оказываются риторическими приемами убеждения, с помощью которых географы усиливают авторитетность своих выводов⁹⁸.

В-третьих, необходимо преодолеть условное различие между текстом и контекстом, которые неразделимо переплетены в дисциплинарной истории. Контекстуальные подходы в интеллектуальной истории часто были не более чем апологетикой политического редукционализма, который оказывает предпочтение, часто без должного исследования, социально-политической части уравнения. Требуется, однако, значительно более «симметричное» и глубокое осознание того, каким образом текст и контекст существуют взаимосвязанно. Для того чтобы определить, что составляет внутреннюю «вотчину» географии, т.е. текст, необходимо выяснить, что составляет внешнюю ее среду — контекст. Именно этот вопрос — как следует понимать взаимосвязанность текста и контекста — до настоящего времени исследуется еще весьма малым числом историков географии. По мнению Ливингстоуна, от ответа именно на этот вопрос зависит понимание истории географической традиции. Так, он утверждает, что английская география XVI в. не просто практиковалась в «ма-

⁹⁸ *Livingstone. The Geographical Tradition...* P. 28–29; *Harley, J. B. Meaning and Ambiguity in Tudor Cartography...*; *Harley, J. B. Maps, Knowledge and Power...* P. 277–312; *The History of Cartography. Volume One...*; *Golinski, J. The Theory of Practice and the Practice of Theory: Sociological Approaches in the History of Science // Isis. 1990. Vol. 81. P. 492–505.*

гическом контексте» астрологии, алхимии и тому подобного, а, скорее, являлась неотъемлемой частью этого контекста. В этом случае отделение текста от контекста и объяснение одного в терминах другого означают разрыв того, что в действительности составляет единое целое. Более того, только в случае, если мы поймем, каким образом были переплетены текст и контекст, мы сможем начать понимать, как значения тех самых терминов, которые используют географы, — карта, район, ландшафт, социальная структура, человеческий фактор — изменялись от контекста к контексту, неся с собой «облака воспоминаний о былых значениях»⁹⁹. Когнитивное содержание самих терминов, которые мы используем, подвержено историческим изменениям, что в еще большей степени применимо и к географии в целом. В связи с этим Дэвид Ливингстоун считает возможным рассматривать географию в качестве традиции, развивающейся и изменяющейся во времени подобно видам животных¹⁰⁰. Такое видение помогает понять, что идеи вообще, и географические идеи в частности, являются историческими реалиями, которые изменяются, трансформируются, развиваются со временем в различных когнитивных и социальных обстоятельствах¹⁰¹.

Оценивая книгу Дэвида Ливингстоуна в целом, следует заметить, что, при всей глубине и обстоятельности его анализа социальной истории географической науки, он практически полностью проигнорировал российскую географию, выделив лишь П. А. Кропоткина, скорее всего потому, что этот несомненно крупный географ, геолог и мыслитель опубликовал свои основные произведения на английском языке, в период эмиграции в Лондоне. Крупным недостатком труда Ливингстоуна является также отсутствие каких бы то ни было сведений о развитии географии вне европейской научной традиции, т. е. в странах арабского мира, Индии, Китая и др.

Приведенный нами обзор зарубежной так называемой «современной историографии» истории географии показывает, что ученые, активно развивающие это направление, основное внимание уделяют социальной обусловленности развития и изменения географического знания, а также месту и роли географии в цивилизационном процессе. При этом нередко подвергаются уничтожающей критике исследования, направленные на реконструкцию собственно дисциплинарной истории нашей науки, и ставится под сомнение правомерность рассмотрения прогресса географического знания. По существу, таким образом история географии в определенной мере «растворяется» в истории политики, культуры, философии и цивилизации.

Социо-культурно-историко-научные исследования подобного рода, бесспорно, весьма плодотворны, но представители этого влиятельного направления в истории географии весьма редко вспоминают о том, что еще в конце

⁹⁹ Hull, D. L. *Science as a Process. An Evolutionary Account of the Social and Conceptual Development of Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. P. 8.

¹⁰⁰ О применимости эволюционной теории к развитию науки см. книгу Халла (сноска 99), а также: Hull, D. L. *Darwinism as a Historical Entity: A Historiographic Proposal* // *The Darwinian Heritage* / Ed. by D. Kohn. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1985. P. 773–812.

¹⁰¹ Livingstone. *The Geographical Tradition...* P. 30–31.

XIX в. начался процесс осознания необходимости двух типов истории науки: частной истории для специалистов и общей истории наук для общекультурных целей. Немецкий историк математики Мориц Кантор (1829–1920) в своей двухтомной истории математики (1892) высказал идею этого различия. Восприняв идею М. Кантора о двух разных функциях истории математики, крупный французский историк Поль Таннери (1843–1904) обосновал необходимость создания общей истории наук с общекультурной функцией при сохранении и развитии частных историй, удовлетворяющих узкопрофессиональные интересы ¹⁰².

В. И. Вернадский (1863–1945) создал оригинальную концепцию науки, в которой генезис научного знания представлен как развитие современного научного мировоззрения, а рассматриваемое вместе с технологическими приложениями в обществе — как реальный процесс формирования ноосферы. В пределах своей концепции Вернадский независимо от Таннера пришел к аналогичным выводам о двойственности нарративной историографии науки ¹⁰³.

Планируемое пособие по истории географии создается для профессионалов-географов, и поэтому нам представляется необходимым отразить в нем зарождение географических знаний, развитие представлений о земной поверхности, идей и методов географической науки в рамках различных культурно-исторических традиций с древнейших времен и до современности. Географические представления и практики были весьма многообразными в различные периоды и у разных народов мира. Не исключено, что при ином стечении исторических обстоятельств могли бы возобладавать какие-то сильно отличающиеся от современных подходы к изучению и описанию пространственной организации природы и общества, однако у истории нет сослагательного наклонения, и поэтому в настоящее время существует географическая наука как целостная система взаимосвязанных естественных, технических и общественных наук, оформившаяся в рамках европейской традиции, которая, несмотря на определенные различия между отдельными национальными научными школами, воспринимается мировым ученым сообществом как вполне определенная фундаментальная отрасль знания со своим объектом изучения и многочисленными методами. Естественно поэтому, что нам не удастся избежать «презентистского» подхода в том смысле, что в книге, наряду с исследованием большинства существовавших в прошлом традиций (китайской, индийской, арабской и др.), наибольшее внимание должно быть уделено европейской географии.

Учет социально-экономических условий, развития смежных отраслей знания и прочих историко-культурных и историко-научных аспектов изучаемой эпохи был и остается необходимым атрибутом отечественных исследований по истории географии, тем более что этим вопросам в советское время придавалось особое — идеологическое — значение. Следует заметить, кстати,

¹⁰² Тимофеев И. С. О кандидатском минимуме по философии. Дидактический аспект отношения философии и истории науки: прошлое и современное состояние // Вестник Российского философского общества. 2002. № 1(21). С. 138. Подробнее об этом см.: Тимофеев И. С. Принципы историографии естествознания: теория и методы. М.: Наука, 1993. С. 199–212.

¹⁰³ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. Ч. 1. М.: Наука, 1981. С. 9–10.

что многие из рассмотренных выше социально-исторических подходов зарубежных пропагандистов «новой историографии» истории географии уже давно нашли широкое применение у западных и российских историков-источниковедов, которые используют их для решения конкретных задач анализа обстоятельств создания, авторства, подлинности, достоверности, точности и возможностей использования документов прошлого для исторической реконструкции тех или иных процессов и явлений. Истории российской географии в этом отношении «повезло» благодаря тому, что в исследовании ее отдельных сюжетов (особенно истории географических исследований и картографии) принимали активное участие такие выдающиеся историки-источниковеды, как А. В. Ефимов, А. И. Андреев, М. И. Белов, В. К. Яцунский, Л. А. Гольденберг, О. М. Медушевская, М. Г. Новлянская и Л. Г. Бескровный¹⁰⁴.

Историко-источниковедческий подход к исследованию различных географических документов прошлого (итинерариев, географических описаний, дневников путешествий, рядов метеорологических, гидрологических и фенологических наблюдений, географических сочинений, материалов измерения и кадастра земельных и лесных угодий, топографических и географических карт с сопровождавшими их текстовыми материалами — инструкциями, отчетах о проделанных работах и т. п.) необходим и плодотворен еще и потому, что все документы подобного рода являются источниками не только по истории географических знаний и науки, но также представляют собой уникальные материалы для изучения былых состояний природной среды и процессов взаимодействия природы и общества.

Одной из главных целей источниковедческого анализа историко-географических источников является обеспечение основы для достоверной реконструкции методов создания тех или иных документов прошлого, т.е. такого положения, при котором исследователь, по образному выражению Роберта Скейлтона, адре-

¹⁰⁴ См., например: *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971; *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. М.; Л., 1960; Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965; *Андреев А. И.* Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783–1794 гг. и работы, связанные с ними // *Вопросы географии.* М., 1950. Вып. 17. С. 203–212; *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М.: Речной транспорт, 1956; *Яцунский В. К.* Историческая география: История ее возникновения и развития в XVI–XVIII веках. М.: Изд-во АН СССР, 1955; *Яцунский В. К.* О некоторых отстающих участках нашей исторической науки // *История СССР.* 1959. № 3. С. 17–36; *Яцунский В. К.* Историческая география: История географических открытий: Краевая историография // *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1960. Т. 2. С. 647–656; *Гольденберг Л. А.* Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII–XVIII вв.) // *Проблемы источниковедения.* 1959. Т. 7. С. 296–347; *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ, 1642 – после 1720 г. М.: Наука, 1965; *Гольденберг Л. А.* К вопросу о картографическом источниковедении // *Историческая география России XII – начала XX в.* М.: Наука, 1975. С. 217–233; *Медушевская О. М.* Картографические источники XVII – XVIII вв.: Учебное пособие по источниковедению истории СССР / Под ред. В. К. Яцуна. М., 1957; *Медушевская О. М.* Картографические источники первой половины XIX в.: Учебное пособие по источниковедению истории СССР / Под ред. В. К. Яцуна. М., 1959; *Новлянская М. Г.* И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958; *Новлянская М. Г.* Иван Кириллович Кирилов — географ XVIII века. М.; Л.: Наука, 1964; *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

сованному к картографическим документам, может «взглянуть из-за плеча» картографа и понять, каким образом появился на карте тот или иной контур или объект, почему он ассоциировал определенное географическое название с конкретным элементом местности и т.д.¹⁰⁵ По сути дела продолжая эту же мысль, Брайн Харлей утверждает, что ответ на вопрос «как делалась карта» является главным критерием надежности получаемой из нее информации¹⁰⁶. Приведенные суждения ведущих английских историков картографии в полной мере применимы практически к любым географическим документам прошлого.

В планируемом труде мы будем использовать все те из рассмотренных выше методологических разработок в области истории географии, которые могут быть полезными для создания предназначенного для профессионалов-географов общего аналитического обзора развития нашей науки с древнейших времен до современности. Лейтмотивом будет история приемов и методов (практик) изучения среды обитания человека, идей и теорий географического знания и науки в их зависимости от уровня общенаучных знаний определенных периодов, влияние на них религиозных и философских взглядов, социально-политических интересов эпохи, а также историко-культурных особенностей различных народов и стран. Исходя из этой задачи, мы постараемся разработать, с разной степенью детальности в зависимости от рассматриваемых периодов, следующие сюжетные линии: 1) генезис географических представлений и кругозора; формирование географической картины мира; 2) развитие представлений о задачах и предмете географической науки; формирование географического мышления и основных географических дисциплин; 3) происхождение и развитие важнейших национальных географических традиций в мире: французской, немецкой, англо-американской, русской; 4) формирование и развитие теоретических представлений о географии как о целостной системе взаимосвязанных естественных, технических и общественных наук и о ее месте в системе естественных и гуманитарных наук в рамках основных национальных традиций; 5) зарождение и история основных институциональных форм географической науки в мире: университетов, академий, исследовательских институтов и программ, а также возникновение и развитие профессиональной подготовки специалистов географического профиля; 6) развитие практических и познавательных функций географии, генезис основных форм географической практики; 7) социальная роль, которую география играла в обществе: география и картография как инструменты формирования самосознания (идентичности) разного уровня — этнического, национального, имперско-колониального, государственного, регионального, локального и других; 8) роль географических материалов прошлого (географических сочинений, описаний, дневников наблюдений, топографических и географических карт и т.п.) как источников по истории географической науки и материалов для изучения былых состояний природной среды и процессов взаимодействия природы и общества.

¹⁰⁵ Skelton R. A. Looking at an Early Map. Lawrence, Kans., 1965. P. 4.

¹⁰⁶ Harley J. B. The Evaluation of Early Maps: Towards a Methodology // *Imago Mundi*. 1968. Vol. 22. P. 70.

И. А. ТЮЛИНА

ПЕРВЫЙ ДЕКАН МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ — ПРОФЕССОР ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ

Нынешняя структура российских университетов восходит к 1933 г., когда постановлением Коллегии Наркомата просвещения была восстановлена их факультетская организация. В старейшем российском университете — Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова — тогда было создано шесть факультетов: механико-математический, химический, физический, биологический, почвенно-географический и рабфак. К 70-летию этого события мы публикуем статью, посвященную первому декану одного из факультетов — мехмата — члену-корреспонденту АН СССР В. В. Голубеву (1884–1954). За время своего существования мехмат стал одним из наиболее славных и престижных в своей области учебных заведений мира.

К концу 20-х гг. после разрухи эпохи революций и последовавшей за ними гражданской войны, после лет, отмеченных отсутствием нормального финансирования науки и образования, введением классового подхода при приеме студентов, идеологическими кампаниями и чистками, наконец, всякого рода перестройками и экспериментами с формами обучения (вроде пресловутого бригадного метода) советское государство начало наводить порядок в системе народного образования, в том числе и высшего. 19 сентября 1932 г. вышло постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», обозначившее крутой поворот в истории нашей высшей школы. В нем отмечалось неудовлетворительное качество подготовки специалистов, ставилась задача усиления роли теоретического образования. Основными формами образования объявлялись лекции, прочитанные специалистами. Вводились вступительные и семестровые экзамены, запрещались коллективные зачеты. Исключалось вмешательство студенческих организаций в работу кафедр и деканатов. Воссоздавалась система защиты диссертаций и присуждения ученых степеней.

Постановление Коллегии Наркомата просвещения от 4 апреля 1933 г. с 1 мая вновь восстанавливало в университетах факультетскую систему. Приказом по Московскому государственному университету было создано шесть факультетов, в том числе механико-математический¹. Его деканом был назна-

¹ Огибалов П. М., Кудряшова Л. В. О возникновении и развитии механико-математического факультета Московского университета // История и методология естественных наук. М.: Изд-во МГУ, 1980. Вып. XXV. С. 11.